

Нина Грудева

11:11

Нина Грудева

11:11

«Автор»

2026

Грудева Н.

11:11 / Н. Грудева — «Автор», 2026

Она потеряла всё. Он застрял в прошлом. Их свели старые часы и магия чисел. Майя бежит от предательства в провинцию и загадывает желание в 11:11. Ветер приносит ее в мастерскую Льва - циника, не верит в чудеса. Но когда в его мастерской загораются часы без батарейки, начинается цепь событий, которая может изменить реальность. Или уничтожит их обоих. У НИХ ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДНО ВРЕМЯ - ДРУГ ДЛЯ ДРУГА.

Содержание

Глава 1. Механизм случайностей.	5
Глава 2. Чай и теория хаоса.	7
Глава 3. Гармония шестеренок.	9
Глава 4. Время, которое нельзя удержать.	11
Глава 5. Трещина в циферблате.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

11:11

Глава 1. Механизм случайностей.

Говорят, когда закрывается дверь, открывается окно. Майя знала, что это ложь, придуманная теми, кто никогда не стоял под ледяным ливнем с нулем на банковском счете и одним потрепанным чемоданом. Когда закрывается дверь, обычно захлопывается и окно. А вдобавок гаснет свет, ломается замок, и ты остаешься один на один с эхом собственных ошибок.

Тридцать лет жизни, карьера, казавшаяся смыслом существования, и мужчина, чьи клятвы рассыпались в прах быстрее сахара в горячем кофе, — всё это осталось в шумной столице. А здесь, в провинциальном городке, куда она сбежала, пытаясь начать с чистого листа, был только серый перрон, колючий ветер и оглушающая тишина.

Майя достала телефон. Экран мигнул последним процентом заряда и погас, отразив её бледное, мокрое лицо. Всё. Связь с прошлым оборвалась.

Она подняла глаза. В витрине старой лавчонки на противоположной стороне улицы тускло светились красные цифры электронных часов. Они мигнули, сменив показания: **11:11**.

Майя замерла. Внутри всё сжалось. Она читала об этом. Зеркальное число. Время, когда Вселенная приоткрывает завесу, момент исполнения желаний, портал возможностей. Раньше она бы назвала это простым совпадением. Но сегодня, когда все логические цепочки её жизни рухнули, ей отчаянно хотелось верить в магию. Она глубоко вдохнула сырой воздух, стирая дождевую каплю с ресниц.

— Хорошо,

— прошептала она в пустоту. Голос дрогнул.

— **Если ты там есть... если этот мир не просто набор случайных шестеренок... дай мне знак. Не просто число. Дай мне направление.**

Словно в ответ резкий порыв ветра вырвал из её дрожащих рук мокрый клочок бумаги — распечатку с адресом дешевого хостела, который она так и не смогла найти. Бумага взмыла в воздух, сделала петлю и с влажным шлепком прилипла к стеклу двери соседнего здания, прямо под вывеской, которую Майя раньше не заметила.

«Мастерская Льва. Ремонт старинных часов. Вход сзади».

Майя посмотрела на часы в витрине. **11:11**.

Она взялась за холодную латунную ручку двери и потянула на себя.

Колокольчик над входом звякнул, нарушая гипнотический, сплетенный сотнями невидимых нитей ритм тиканья. Воздух здесь был другим: густым, теплым, пахнущим кедровой стружкой, машинным маслом и старой бумагой. За длинным верстаком, освещенным лишь зеленой лампой с абажуром, сидел мужчина. Он не поднял головы. В его глазу застыла часовая лупа, а пальцы с пинцетом работали с пугающей, хирургической точностью.

— Мы закрыты,

— его голос прозвучал сухо, как скрип старой пружины.

— Табличку на входе не видели?

— Я не клиент,

— Майя сделала шаг вперед, оставляя на деревянном полу темную лужицу.

— У меня сел телефон, я промокла до нитки, и...

— Тогда тем более,

— он наконец оторвался от работы, снял лупу и посмотрел на неё.

Его взгляд был тяжелым, оценивающим, как у человека, привыкшего разбирать вещи на детали, чтобы найти дефект. Темные, слегка растрепанные волосы, строгие черты лица и глаза цвета грозового неба. В этом взгляде не было сочувствия. Только холодная логика.

— Я не бюро находок и не ночлежка,

— закончил он, возвращаясь к механизму.

— Ищите приют в другом месте.

Майя почувствовала, как к горлу подступает ком обиды, но тут её взгляд скользнул за его спину, на высокую дубовую полку. Среди десятков старых будильников, карманных часов и маятниковых ходиков один прибор вдруг привлек её внимание. Маленькие настольные электронные часы с потускневшим корпусом.

Они мигнули. Красные светодиодные цифры сменились: **11:11**.

Майя забыла про холод. Она сделала шаг к верстаку.

— Ваши часы,

— тихо сказала она, указывая пальцем.

— Они идут неправильно.

Лев нахмурился, обернулся и смерил часы взглядом профессионала.

— Они выключены,

— отрезал он.

— У них даже батарейки нет с прошлого года. Это просто корпус. Он подошел ближе, и его брови медленно поползли вверх. Цифры действительно горели ярким, неестественным светом, пульсируя в полумраке мастерской. Он протянул руку, чтобы перевернуть их, но Майя, повинаясь внезапному импульсу, мягко перехватила его запястье. Его кожа была горячей, а её пальцы ледяными. От этого контраста по руке пробежала странная, теплая волна. Лев замер, не отстраняясь, но мышцы его напряглись.

— Не трогайте,

— прошептала она, глядя ему прямо в глаза.

— Иногда вещи включаются не от батареек. А от того, что вы наконец пришли туда, где должны быть. В мастерской повисла тишина. Слышалось только тиканье десятков других часов, словно они затаили дыхание. Лев медленно, очень осторожно высвободил руку из её захвата. В его глазах мелькнуло раздражение, но под ним, как трещина в идеальном стекле, пряталось искреннее, почти детское изумление. Он посмотрел на часы, потом снова на неё — на её мокрую одежду, решительный подбородок и странные, слишком внимательные глаза.

— Вы верите в эту мистическую чушь? — спросил он, но в его голосе уже не было прежней ледяной жесткости. Скорее, осторожное любопытство.

— Я верю, что если бы я не зашла сюда ровно в **11:11**, вы бы так и не узнали, что они работают,

— Майя слабо улыбнулась, чувствуя, как внутри начинает разгораться крошечный, но упрямый огонек надежды.

— Меня зовут Майя. И, кажется, Вселенная только что свела нас не просто так.

Лев молчал несколько долгих секунд. Затем он вздохнул, провел рукой по волосам и кивнул в сторону двери в глубине мастерской.

— В ванной есть полотенца. Вы капаете на мой паркет. А потом... потом мы обсудим, что вы собираетесь делать дальше, Майя. Потому что просто так часы не загораются.

Глава 2. Чай и теория хаоса.

Ванная оказалась маленькой, но безупречно чистой. Старая чугунная ванна на львиных лапах, потрескавшаяся, но натертая до блеска плитка и тяжелое махровое полотенце, пахнущее лавандой и чем-то еще — то ли кедром, то ли старой древесиной.

Майя включила горячую воду. Пар быстро заполнил маленькое пространство, смывая с кожи липкий холод провинциального дождя и столичного отчаяния. Она закрыла глаза и позволила себе впервые за последние тридцать дней просто выдохнуть. Когда она вышла, закутанная в огромное мягкое полотенце, в мастерской пахло уже не маслом, а свежесваренным чаем с мятой и медом. Лев стоял у небольшого кухонного уголка в глубине помещения, спиной к ней. Он что-то помешивал в кружке. Услышав её шаги, он обернулся. В его руке висела старая, но чистая клетчатая фланелевая рубашка.

— Надень,

— он коротко кивнул, протягивая ей одежду, и тут же отвернулся, давая ей возможность переодеться за ширмой из старых стеллажей.

— Иначе ты схватишь пневмонию, а мне потом объясняться с участковым.

Рубашка оказалась велика на два размера. Рукава пришлось закатать, а подол доходил почти до колена, но ткань была удивительно мягкой. Майя вернулась к столу и села на высокий деревянный табурет. Лев молча поставил перед ней кружку.

— Пей. Это ромашка и чабрец.

Майя обхватила кружку, чувствуя, как тепло медленно растекается в её ладонях.

— Спасибо. Я... я заплачу за это. И за ночлег, если вы позволите мне переночевать на диване. У меня просто нет денег прямо сейчас, но завтра я найду способ...

— Завтра будет завтра,

— перебил он, садясь напротив и сцепив пальцы в замок. Его взгляд снова стал изучающим, но теперь в нём не было враждебности. Скорее, напряженное любопытство.

— А сейчас объясни мне одну вещь. Ты говоришь, тебя зовут Майя. Но люди с таким именем обычно не бродят по городу в час ночи под ливнем, не ищут hostels и не верят в говорящие цифры. Кто ты на самом деле? И почему ты здесь?

Майя сделала глоток чая. Горьковатый, травяной вкус отрезвлял. Она могла бы соврать. Назваться туристкой, потерявшей дорогу. Но, посмотрев в его серьезные серые глаза, она поняла, что ложь здесь, среди этих честных, тикающих механизмов, будет слишком фальшивой.

— Я сбежала, — тихо сказала она.

— От работы, от жизни, от человека, который убедил меня, что я ничего не стою без него. Я приехала сюда, чтобы начать с нуля. Но у меня сел телефон, и я поняла, что совершенно не знаю, куда идти. Она подняла глаза на полку за его спиной. Часы всё так же пульсировали красным светом: **11:11**.

— А потом я увидела это,

— продолжила она, и в её голосе зазвенела та самая упрямая нотка надежды.

— И попросила знак. И ветер принес мне адрес вашей мастерской. Вы можете смеяться.

Но для меня это не случайность. Лев медленно покачал головой. Он взял со стола маленькие карманные часы на цепочке, щелкнул крышкой и бросил на них взгляд.

— Знаешь, в чем проблема знаков, Майя?

— его голос был тихим, почти бархатным, но в нем звенела сталь.

— Люди видят знаки там, где хотят видеть. Мозг обожает искать паттерны в хаосе. Это защитный механизм. Тебе страшно, ты потеряла контроль, и ты цепляешься за мигающие

диоды, чтобы поверить, что кто-то сверху управляет этим беспорядком. Он положил часы на стол. Тиканье в комнате вдруг показалось Майе оглушительным.

— Часы не врут,

— продолжил Лев, глядя ей прямо в глаза.

— У них есть пружина, шестерни, балансир. Если они идут, значит, в них есть энергия. Если они стоят, значит, что-то сломалось. Никакой магии. Только причинно-следственная связь. Майя не отвела взгляд. Она почувствовала, как внутри неё просыпается не страх, а азарт.

— А что, если хаос

— это просто часы, которые мы еще не научились читать?

— парировала она.

— Вы чините механизмы, Лев. Но вы пытаетесь измерить ими то, что не имеет механической природы. Лев замер. На секунду Майе показалось, что он сейчас встанет и вежливо, но твердо попросит её уйти. Вместо этого он медленно перевел взгляд на те самые маленькие электронные часы на полке. Его пальцы нервно постучали по деревянной столешнице.

— Эти часы,

— произнес он наконец, и в его голосе впервые прозвучала некая трещинка, хрупкая и болезненная,

— принадлежали моему деду. Они остановились ровно в тот момент, когда его не стало.

Пять лет назад.

Он снова посмотрел на Майю, и в его глазах она увидела не циника, а очень уставшего человека, который пять лет пытался починить то, что починить невозможно.

— Я разобрал их до винтика,

— тихо сказал он.

— Там нет ни батареек, ни контакта, ни микросхемы, которая могла бы дать такой сбой.

Это физически невозможно.

Майя медленно повернула голову к полке. Цифры мигнули и сменились.

22:22. Баланс. Необходимость довериться процессу. Она улыбнулась, и на этот раз её улыбка была мягкой и понимающей.

— Видите?

— прошептала она.

— Иногда вещи начинают работать не тогда, когда вы чините их отверткой. А тогда, когда в комнату входит кто-то новый. Лев долго смотрел на неё. Потом он медленно выдохнул, провел рукой по лицу и, к удивлению Майи, слабо, почти незаметно улыбнулся в ответ.

— Ладно, Майя,

— сказал он, поднимаясь со стула.

— Диван в углу. Завтра в девять ноль-ноль мы обсудим твои варианты. А сейчас постараюсь не разговаривать с часами. Они стеснительные.

Глава 3. Гармония шестеренок.

Майя проснулась от симфонии тиканья. Не резкого, будильничного, а мягкого, переливчатого, словно сотни маленьких механических сердечек бились в унисон, убаюкивая и оберегая сон.

Она открыла глаза. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь пыльное стекло витрины, освещал танцующие в воздухе пылинки и пар, поднимающийся от чашки на верстаке.

Лев уже был за работой. Он выглядел так, будто и не ложился вовсе: та же темная рубашка с закатанными рукавами, слегка взъерошенные волосы, сосредоточенный взгляд сквозь часовую лупу.

— Доброе утро,

— осторожно произнесла Майя, поправляя сползавшую с плеча его фланелевую рубашку, которая теперь пахла не только лавандой, но и едва уловимым ароматом её кожи.

— Доброе, — буркнул он, не отрываясь от механизма.

— Девять ноль-ноль. Кофе в термосе, хлеб на столе. В ванной чистое полотенце. В десять приходит клиент, так что постарайся не мешать. Майя улыбнулась его педантичности. Она налила себе кофе и села на табурет, наблюдая, как ловко его пальцы управляют крошечными деталями. Но к десяти часам клиент не пришел. Вместо этого в мастерской повисла гнетущая тишина, нарушаемая только резким, раздраженным щелчком пинцета. Лев откинулся на спинку стула, снял лупу и потер переносицу. На бархатной подушечке перед ним лежали старинные карманные часы в серебряном корпусе с тонкой гравировкой. Они были разобраны до мельчайших деталей, но явно отказывались собираться воедино.

— Что случилось?

— спросила Майя, ставя кружку.

— Случилось то, что механика иногда бывает идиотской,

— процедил Лев.

— Это часы владельца местной галереи. Он забирает их сегодня в полдень. Заводной механизм заедает, но я не могу найти причину. Я проверил каждую шестеренку, каждую пружину. Всё идеально. Но они не идут. Майя подошла ближе. Она ничего не понимала в часовом деле, но она прекрасно понимала язык напряжения. Плечи Льва были каменными, дыхание поверхностным. Он пытался силой заставить механизм подчиниться, и механизм сопротивлялся.

Она взглянула на свои наручные часы. Стрелки замерли в идеальном зеркальном отражении: **12:21**.

Гармония. Баланс. Момент, когда нужно остановиться, чтобы увидеть картину целиком.

— Лев, — тихо позвала она.

Он поднял на неё раздраженный, усталый взгляд.

— Ты слишком сильно давишь, — сказала она, указывая на его сжатые челюсти.

— Ты ищешь поломку там, где её, возможно, нет. Ты пытаешься заставить их идти, потому что должен успеть. А что, если им просто нужно, чтобы ты отступил?

— Часам не нужен психолог, Майя, — фыркнул он, но в его голосе не было прежней уверенности.

— Им нужна смазка и правильное натяжение пружины.

— Просто отложи пинцет. На одну минуту. Пожалуйста.

Лев колебался. Его взгляд метнулся от часов к ней. В её глазах не было насмешки или жалости, только спокойная, непоколебимая уверенность. Медленно, словно преодолевая себя, он разжал пальцы и отложил инструмент.

Майя протянула руку и аккуратно, кончиками пальцев, сдвинула крошечный мостик баланса буквально на миллиметр вправо. Не пытаясь чинить, просто меняя угол, нарушая его идеальную, но мертвую симметрию, которую он выстраивал часами.

— Что ты делаешь? — выдохнул он, наклоняясь ближе.

— Ищу гармонию, — прошептала она, не отрывая от него взгляда.

Она взяла заводной ключик и очень мягко, без привычного для Льва усилия, сделала пол-оборота.

Тик.

Звук был тихим, но в звенящей тишине мастерской он прозвучал как выстрел.

Тик-так. Тик-так.

Колесико дрогнуло и плавно, уверенно пошло по кругу. Механизм ожил.

Лев замер. Он смотрел на ожившие часы так, будто увидел привидение. Он пристально посмотрел на Майю. В его серых глазах больше не было цинизма. Там было изумление, смешанное с чем-то гораздо более опасным и притягательным.

— Как ты...

— начал он, но осекся, так и не закончив фразу.

В этот момент с кухонного стола, где Лев оставил её телефон на зарядке, раздался громкий, резкий, требовательный звонок. Экран вспыхнул, безжалостно освещая полумрак мастерской. На дисплее высветилось имя, от которого у Майи похолодела кровь и сжалось горло: «Артем (Директор)».

Лев проследил за её взглядом. Его лицо мгновенно сомкнулось, вернув ту самую непроницаемую, ледяную маску, которую она видела при их первой встрече. Он медленно выпрямился, создавая между ними внезапную, болезненную дистанцию.

— Кажется, твое прошлое не согласно с твоим новым расписанием,

— холодно произнес он, отворачиваясь к верстаку и беря в руки тряпку, чтобы протереть уже не нуждающийся в этом инструмент.

— Будешь отвечать или позволим ему перейти на голосовую почту?

Глава 4. Время, которое нельзя удержать.

Экран телефона погас, так и не успев завибрировать во второй раз. Майя нажала «Заблокировать», а затем, не давая себе времени на сомнения, зашла в настройки и добавила номер Артема в черный список. Навсегда.

Сердце колотилось где-то в горле, но в голове наконец-то воцарилась звенящая, чистая тишина. Она подняла глаза. Лев наблюдал за ней. Его лицо было непроницаемым, но пальцы, сжимающие тряпку, побелели от напряжения.

— Всё, — тихо сказала Майя, кладя телефон экраном вниз.

— Прошлого больше нет. Есть только этот дождь, этот кофе и твоя мастерская.

Лев медленно кивнул. Он не сказал «молодец» и не выразил сочувствия. Вместо этого он развернулся и направился в дальний угол мастерской, к тому самому старому дубовому шкафу, у которого стояли загадочные часы без батареек. Дождь за окном усилился, барабана по стеклу так, словно пытался пробиться внутрь. В мастерской стало сумрачно. Лев включил настольную лампу, и её теплый свет выхватил из полумрака его сутулую спину. Он снова взял в руки те самые маленькие электронные часы.

Майя подошла ближе. Она видела, как дрожат его руки. Это был не тремор усталости. Это была дрожь человека, который пять лет бился головой о закрытую дверь.

— Лев, — позвала она мягко, останавливаясь в шаге от него.

— Почему именно эти часы?

Он замер. Его плечи напряглись, словно она задела невидимый шрам.

— Тебе не интересно, как они устроены, Майя. Тебе интересно, какую сказку они рассказывают.

— Мне интересно, почему человек, который верит только в шестеренки и пружины, хранит сломанный пластиковый корпус как самую дорогую реликвию,

— парировала она, не отступая.

Лев медленно положил часы на бархатную подложку. Он выдохнул, и этот звук был похож на треск ломающегося льда.

— Они принадлежали моему деду,

— его голос стал глухим, отстраненным, будто он рассказывал историю о ком-то другом.

— Он был лучшим часовщиком в области. Он учил меня, что у всего есть причина. Если механизм встал, значит, где-то есть трение, износ, поломка. Найди её — и время снова пойдет. Он провел пальцем по потускневшему циферблату.

— Пять лет назад он ушел из жизни внезапно. Инфаркт, прямо за этим верстаком. Я приехал через час. И эти часы... они показывали время его смерти. А потом просто погасли.

Лев поднял на Майю глаза, и в них была такая невыносимая, голая боль, что у нее перехватило дыхание.

— Я разобрал их сотни раз, Майя. Я менял каждую деталь. Я искал короткое замыкание, окисление контактов, что угодно! Но там ничего нет. Они мертвы. И каждый раз, когда я смотрю на них, я понимаю, что есть вещи, которые нельзя починить. Нельзя отмотать время назад и успеть попрощаться. Нельзя исправить свою вину.

Он замолчал, глядя в стол. Тишину нарушало только тиканье остальных часов, словно они отсчитывали секунды его давней травмы. Майя медленно протянула руку и накрыла его ладонь своей. Его пальцы были ледяными. Она не стала говорить банальных слов утешения. Она просто была рядом, разделяя с ним эту тяжесть. Она перевела взгляд на циферблат. Цифры дрогнули и сменились. **00:00**. Лев резко вскинул голову, заметив это. Его дыхание участилось.

— Снова... — прошептал он. — Почему именно ноль? **Это конец. Пустота.**

— Нет, Лев,

— твердо сказала Майя, сжимая его руку чуть сильнее.

— Посмотри на это не как механик. Посмотри как человек, которому нужен новый старт. Она указала на цифры.

— **00:00** — это не смерть и не пустота. **Это обнуление.** Это та самая секунда, когда старые сутки заканчиваются, а новые еще не начались. Это момент чистого листа. Твой дед не хотел, чтобы ты застрял в той минуте навсегда. Он оставил тебе этот знак, чтобы ты разрешил себе отпустить прошлое. Чтобы ты перестал чинить то, что уже выполнило свою функцию, и начал жить дальше.

Лев смотрел на нее, потом на часы, потом снова на нее. В его глазах боролась логика с чем-то гораздо более глубоким и иррациональным. Слеза, которую он, вероятно, сдерживал пять лет, предательски блеснула на его ресницах, но он не стал ее прятать.

— Чистый лист... — эхом повторил он.

Внезапно он наклонился к часам. Но на этот раз он не хватался за отвертку. Он взял тонкую металлическую лопатку и с невероятной нежностью, словно боясь спугнуть чудо, поддел заднюю крышку корпуса, которую он, как он думал, открывал уже тысячу раз. Но сейчас, когда его руки не дрожали от отчаяния, а двигались с осознанной мягкостью, крышка поддавалась иначе.

Щелчок. Внутри, за циферблатом, оказался крошечный, потайной отсек, о существовании которого Лев даже не подозревал. Он замер. Медленно, двумя пальцами, он вытащил оттуда сложенный вчетверо, пожелтевший от времени клочок бумаги. Майя затаила дыхание. Лев развернул бумагу. Почерк был дрожащим, но разборчивым. Там было написано всего одно предложение и время:

«Лёвушка, не чини время. Живи в нем. 11:11».

Лев выронил бумажку на стол. Он закрыл лицо руками, и его плечи затряслись от беззвучных рыданий.

Майя не раздумывая шагнула вперед и обняла его. Она прижала его голову к своему плечу, чувствуя, как горячие слезы пропитывают тонкую ткань его рубашки. Она гладила его по взъерошенным волосам, шепча что-то невнятное и утешающее, пока буря внутри него не начала утихать. Когда он наконец отстранился, его глаза были красными, но в них больше не было той ледяной пустоты. Там был свет. Он посмотрел на Майю, затем на бумажку, и впервые за все время их знакомства на его губах появилась настоящая, теплая, немного растерянная улыбка.

— Кажется,

— хрипло сказал он, вытирая лицо тыльной стороной ладони,

— ты была права насчет хаоса.

— Я часто бываю права,

— мягко улыбнулась Майя в ответ.

— Не обольщайся,

— фыркнул он, но в его голосе уже не было защиты. Он аккуратно сложил записку и убрал её в нагрудный карман, прямо к сердцу.

— Но... спасибо.

В этот момент старые напольные часы в углу комнаты торжественно пробили полночь. **00:05.** Новый день официально начался. И для них обоих он обещал быть совершенно другим.

Глава 5. Трещина в циферблате.

Утро началось не с тиканья, а с резкого, требовательного стука в дверь мастерской. Не клиентского, вежливого, а тяжелого, нетерпеливого удара кулака в стекло.

Майя, которая только что налила себе и Льву кофе, вздрогнула так, что горячая жидкость плеснула на руку. Лев, сидевший за верстаком, нахмурился и отложил лупу.

— Я открою, — сказал он, направляясь к входу.

Но Майя уже смотрела на свой телефон, который безостановочно вибрировал на столе, как пойманное насекомое. На экране вспыхивало одно и то же имя: Артем. А следом пришло сообщение: **«Думаешь, ты можешь просто исчезнуть, нарушив контракт? Я знаю, что ты в Сосновке. У меня есть друзья в администрации. Ты пожалеешь, что сбежала»**.

Кровь отхлынула от лица Майи. Холод, который она думала, что оставила на перроне, снова сковал её изнутри.

Дверь мастерской распахнулась. На пороге стоял не Артем, но угроза была не менее реальной. Это был господин Коган, владелец здания, тучный мужчина в дорогом, но помятом пальто, с которым Лев обычно здоровался с уважительной сдержанностью. Сейчас лицо Когана было багровым.

— Лев Иванович, — начал он без предисловий, протягивая сложенный лист бумаги с синей печатью.

— Мне очень жаль, но обстоятельства непреодолимой силы. Здание продано. Новым владельцам нужна территория под снос через месяц. Вот официальное уведомление о расторжении договора аренды. У вас тридцать дней, чтобы освободить помещение. Лев взял бумагу. Его пальцы сжали её так сильно, что края помялись.

— Месяц? Сергей Петрович, мы договаривались на пять лет! У меня здесь мастерская моего деда, оборудование, которое нельзя просто так выкинуть на улицу! Вы не можете...

— Могу, и уже,

— отрезал Коган, избегая его взгляда.

— Новая управляющая компания называется Вектор-Групп. Они не идут на уступки. Мне жаль, Лев. Но таковы правила бизнеса. Вектор-Групп. Майя знала это название. Это была холдинговая структура, через которую Артем отмывал свои сомнительные сделки. Он не просто искал её. Он методично сжигал мосты вокруг неё, и случайно (или намеренно) его огонь добрался до единственного места, где Майя почувствовала себя в безопасности.

— Вы не можете этого сделать! — голос Льва сорвался на хрип. В нем зазвучала та самая паника, которую он так тщательно прятал за маской циника.

— Это не просто помещение! Это...

— Это бизнес, Лев Иванович. Прощайте.

Дверь захлопнулась. Колокольчик звякнул на прощание, и этот звук прозвучал как приговор. В мастерской повисла гнетущая тишина. Лев стоял посреди комнаты, сжимая уведомление, как обвинительный акт. Его грудь тяжело вздымалась. Майя сделала шаг к нему. Её телефон снова завибрировал. **13:31.**

Разрушение иллюзий. Скрытые враги. Крах привычного уклада.

— Лев,

— начала она дрожащим голосом, протягивая руку к его плечу.

— Это моя вина. Это мой бывший... он связан с этой компанией. Я не знала, что он пойдет так далеко. Я уйду. Я не хочу, чтобы из-за меня ты потерял это место.

Она ожидала, что он успокоит её, скажет, что они что-нибудь придумают, как он делал вчера, когда чинил часы. Но Лев резко отстранился от её прикосновения, словно она обожгла

его. Он обернулся, и в его серых глазах больше не было вчерашней теплоты или уязвимости. Там бушевал шторм, направленный прямо на неё.

— Твоя вина?

— переспросил он, и его голос был тихим, но от этого еще более страшным. Он обвел рукой мастерскую, полную часов, которые вдруг показались Майе не убаюкивающими, а насмешливыми.

— Да, Майя. Твоя.

— Лев, пожалуйста, не надо...

— Нет, надо!

— он повысил голос, и эхо метнулось по стенам.

— Пока тебя не было, здесь всё было хорошо! Я знал, как работает мой мир. Были механизмы, были правила, была тишина! Я справлялся со своей болью сам, в своем темпе!

Он швырнул уведомление о выселении на верстак, и оно скользнуло прямо к тем самым часам деда, которые вчера дали им надежду.

— А потом пришла ты,

— продолжал он, и каждое слово било как молот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.